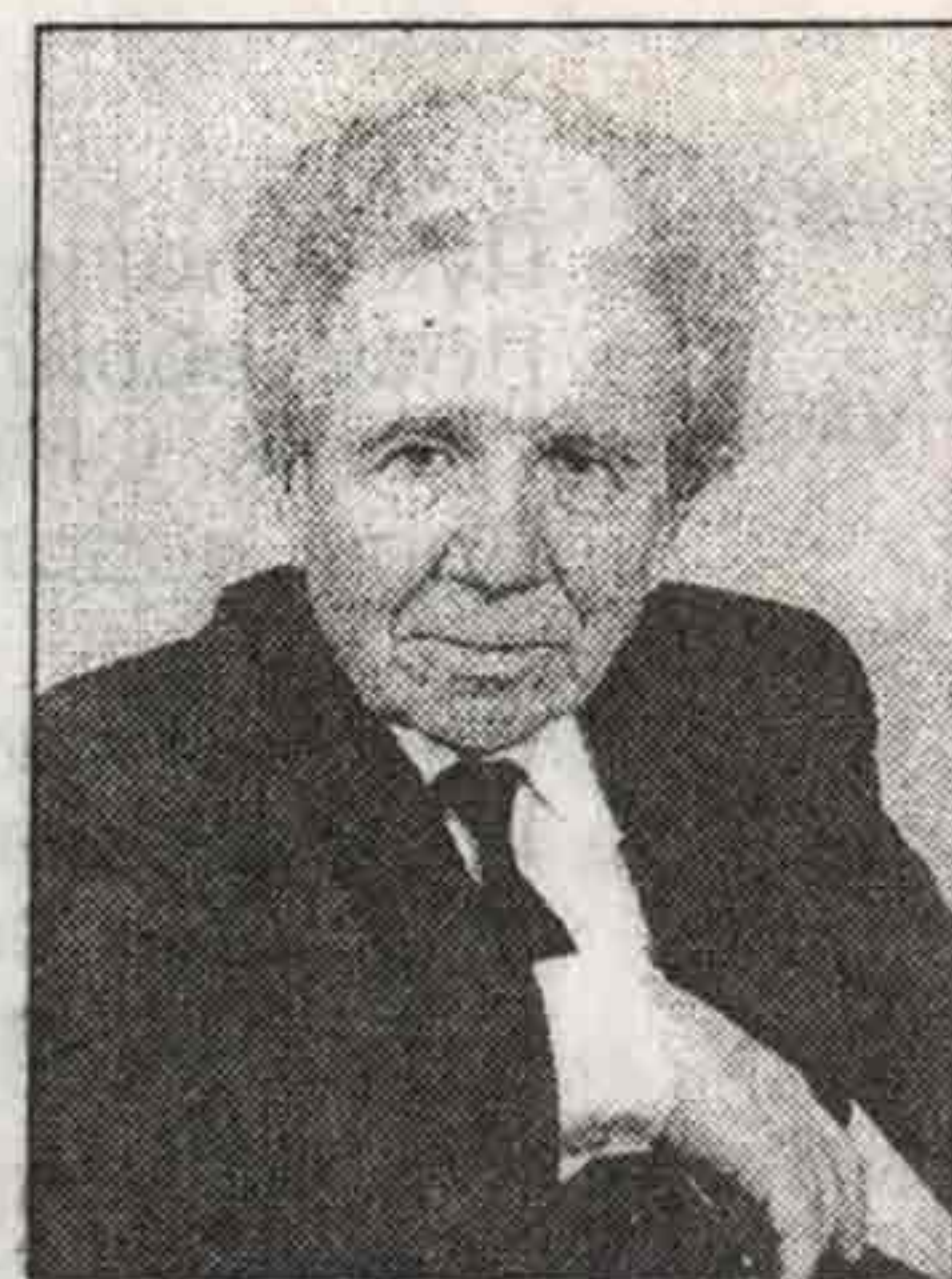

Олег Маслов

Олег Константинович Маслов родился в 1932 году в Благовещенске. Окончил Хабаровский мединститут. Кандидат медицинских наук, основатель анестезиологической службы в Амурской области. При его активном участии немало народу буквально вытащено с того света. Член Союза писателей России. Автор девяти книг стихов. В последние годы пишет и прозу - это в основном рассказы, основанные на случаях из его богатой врачебной практики. Заслуженный работник культуры России, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Мой век», Почетный гражданин Благовещенска.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

* * *

Не знаю, хорошо ли, плохо,
Но не в мечтах, а наяву
Я вот уж пятую эпоху
Родной историей живу.

И столько каждая вместила
Событий, судеб и страстей,
Что долгий век Мафусаила
Пустыней кажется пред ней.

Но ситуация такая,
Как будто я из года в год,
Сев в детстве на Тянитолка*,
Скачу по жизни взад-вперед.

И между будущим и прошлым
Все символичнее разрыв...
Уже сошла с дороги лошадь,
Машине место уступив;

Из повседневности далече
Ушли в небытие и сон
Галоши, примусы и свечи,
И самовар, и патефон.

И хоть остались неизменны
Моя прописка, адрес мой,
Все больше я одновременно
Вживаюсь в общий дом земной.

Я вижу каждый день и слышу,
Экран включая голубой,
Чем бредит он, живет и дышит,
Неугомонный род людской.

И, космонавту уподобясь,
Его глазами пред собой
Уже воочию, как глобус,
Могу увидеть шар земной...

Но очевидней с каждым годом,
Что паровоз наш невпопад
Влетел в тупик и задним ходом
Стремится выбраться назад.

И вновь на улице колонны
Свободы жаждущих людей,
И вновь на рынке миллионы
Вдрызг обесцененных рублей.

Бастуют летчики, шахтеры,
Зарплату требуют врачи,
В закон легальный входят воры,
И рэкетеры, и рвачи.

Над Белым домом величаво
Парит Орел о двух главах,

Налево - Ленин, а направо
Сияет вывеска «МОНАРХЪ».

И удручаться не пристало,
И умиляться не к лицу...
Век будто катится к началу,
И только жизнь - увы, к концу.

* * *

Когда любимая ушла,
Как ни горька была утрата,
Я не молил ее возврата
И не желал ей в жизни зла.

Я знал: разлука навсегда.
Любовь, как яблоко, едина,
И коль отпала половина -
Уже не склеить никогда.

Я райский плод похоронил
И траур выдержал до года,
Но семя будущего всхода
В душе нетленным сохранил.

И проросло оно... А ей,
Что стала в памяти моей
Любви минувшей обелиском,
Я с грустью поклонился низко
И пожелал счастливых дней.

* * *

Жизнь все дороже и дороже,
Хоть год от года не моложе,
И не представить, не понять:
Как это прежде за работой,
За плотоядной заботой
Ее не видел благодать?!

А ведь всего с лихвою было,
Что сердцу дорого и мило,
Но, лишь утратив все, постиг,
Что жизнь и впрямь неповторима,
И красота промчалась мимо,
И вечность обратилась в миг.

И все ж, покуда сердце бьется,
Душе и в старости неймется
Запечатлеть в себе навек
Любое диво на планете,
Все, чем спокоен веков на свете
И жив, и счастлив человек.

Увы, на жизненном излете
Настал разлад души и плоти:
Одна стремится на покой,
Другая - к миру причаститься
Пред тем, как птицей обратиться
И улететь за край земной.

*Тянитолкай - фантастический конь с двумя головами по обе стороны туловища.

Пух тополиный ложится на землю,
Посеребрилась в газонах трава,
Тополь, вчера еще молодо зелен,
Вдруг побелел, как моя голова.

Сдуют пушинки июньские ветры
И возвратят ему свежесть опять...
Всё как всегда, только в кои-то веки
Вдруг захотелось мне тополем стать.

Уходит век неудержимо,
И, знаю, смертный человек,
Что он и есть неповторимый
И разьединственный мой век.

Мы стали органичным слитком,
И, знаю, если не умру,
То в новом буду пережитком
Иль гостем на чужом пиру.

Всё так, и не страшат потемки,
И все ж, - попробуй удержишь! -
Так тянет заглянуть за кромку -
В иную, будущую жизнь.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Среди всеобщего развала
Одна надежда - этот вид:
Колонна мраморная пала,
А рядом дерево - стоит.

Бывало все - любовь, измена,
В глазах зеленые круги...
А жизнь твердила неизменно:
- Превозмоги! Превозмоги!
Гони залетную удачу,
Не верь в неожиданную беду
И не плетись покорной клячей
У времени на поводу.

Нет хлеба слаще, доли лучше,
Что сам посеял и пожал... -
И всю-то жизнь себя я мучил
И, сколько мог, превозмогал.

Не много роз на той дороге,
И все ж не даром жил бы я,
Когда бы смог сказать в итоге
О ней, дороге: вся моя!

Моя - доподлинно такая,
Какой я сам ее торю,
И на ухабы не пеняю,
И за усталость не корю.

Пусть по шоссе спешат машины:
Затем и вышел я на свет,
Чтоб не копытный и не шинный -
Свой на земле оставить след.

И если всей судьбой своею
Я сотворить ее смогу, -
И жизнь на счастье одолею,
И даже смерть превозмогу.

Валентина Телухова

Уроженка Благовещенска, Валентина Телухова рано ступила на трудовую стезю. За ее плечами школа рабочей молодежи, была она почтальоном, фасовщицей, комплектовщицей, лаборантом, машинисткой, инженером-экономистом. Заочно закончила Благовещенский пединститут и с 1971 по 1993 год преподавала историю и обществоведение в средней школе поселка Чигири. Сейчас на пенсии.

Творчеством увлеклась в детстве. Страсть к сочинительству выливалась в придумывание сказок, которые ходила слушать детвора родной Чигиринской улицы. Тогда же попробовала писать стихи, позднее - рассказы.

Публиковалась на страницах газет «Кадры - селу», «Земля и люди», «Амурская правда», «Глагол».

Рассказ

РОДНЯ

В деревне было три знаменитых горки: Луценчиха, Полячиха и Лысогорка или Лыска, как говорили все. Луценчиха была самой любимой у деревенской ребятни. Начиналась она у дома Луценкиных. Чтобы съехать с этой горы, нужно было долго идти по наезженному склону вверх почти к самому дому, но если уж ты одолевал подъем, тебя ожидало сказочное удовольствие. Примостив самодельные санки на самый конек взгорка, ты летел вниз не просто долго и плавно, а еще и взлетал над землей на двух-трех трамплинах, созданных самой природой, и вскрикивал от неопишуемого восторга.

На Луценчихе катались в основном мальчишки, причем из самых отчаянных. Девочки предпочитали Лыску. Горка эта была пологая и очень большая. Хорошо раскатив-

шись, можно было проехать добрых полкилометра без всяких приключений. Спуск с Полячихи заканчивался на льду реки, поэтому с нее спускались на коньках, а они были далеко не у каждого. Оттого-то Луценчихе и не было равных.

Начинался спуск с любимой горы у дома Луценкиных, как нам уже известно, а вот заканчивался у дома Мячина Михаила Ефимовича. Дом как дом, не лучше и не хуже других домов, он все-таки имел одну особенность. Дом был самым богатым в селе. И не углами да пирогами был богат дом, а ребятами, которых в семье было четырнадцать человек. Почти все в этом доме делалось детскими руками: обрабатывался огромный огород, обихаживался сад, поилась и кормилась всякая живность.